

История Одессы: ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ И ПОУЧИТЕЛЬНАЯ

И в самом деле, едва ли какой другой город бывшего СССР может похвалиться столь пристальным и вместе доброжелательным вниманием исследователей — историков, литературоведов, культурологов в целом, причем не только отечественных. Феномен, миф Одессы с довольно давних уже времен занимает многих любопытствующих. Бесконечное смакование одесской экзотики трансформировало картинку самобытного города в некое текстуально, вербально, кинематографически, сценически общее место, стереотип, сувенирную (нередко пошлую) виньетку. Упрощенное толкование истории Одессы весьма забавно, поскольку меняет места-причины и следствия.

Так, упомянутый феномен видится в первую голову следствием этнической пестроты или, скажем, системы порто-франко. Фактически же все эти несомненно значимые, существенные компоненты — лишь инструментарий, необходимый для выполнения тех или иных политических, экономических, социальных задач в конкретном историческом контексте. Никто предумышленно не формировал некий "черноморский Вавилон", никому бы и в голову не пришло строить образцовую, эталонную систему порто-франко ради нее самой (искусство для искусства). Однако эти действительно яркие, контрастные, рельефные сюжеты прошлого настолько обворожительны, что за оными мощными деревьями и лес неразличим. Очарованные странники, мы, по сути, год от года занимаемся исключительно изучением ретроспективной инфраструктуры Одессы: историй градостроительства, архитектуры, этнических сообществ, всевозможных аспектов быта, включая культурные традиции, и проч. Истинные же причины, породившие этакую специфическую, пожалуй, в чем-то уникальную инфраструктуру, остаются практически без нашего внимания. Можно сказать, что мы ходим только симпатичными, привлекательными историческими тропинками.

Другим — нелегким, местами более чем прозаическим — путем пошла поистине выдающаяся американская исследовательница Патриция Херлихи, русскоязычная монография которой наконец-то вышла из печати ("Одесса. История. 1794-1914". Одесса: Optimum, 2007, 576 с.). Книга выдержала два издания в Гарварде (1986, 1991), а в 1999-м вышла в Киеве на

украинском языке. Курьезно, что киевские переводчики ухитрились переименовать Пэт Херлихи в Гэрлиги, безапелляционно навязав этнической ирландке украинские корни.

"Оптимум" поработал изрядно: по ряду обстоятельств книга была сделана в крайне сжатые сроки и, тем не менее, почти без ущерба для качества. Напротив, по сравнению с прежними вариантами она гораздо более удобна для пользователя по формату, а кроме того, снабжена значительным числом иллюстраций. Издание финансировал депутат Одесского областного совета С.Р. Гриневецкий, достойный за это благое дело самых добрых слов.

Но вернемся к содержанию монографии. В центре внимания исследовательницы — сама идеология устройства города, его функциональное назначение на различных хронологических этапах. Превосходная метафора — "Одесса есть дитя от меркантильного брака Черного моря с черноземом" — как нельзя доходчивее иллюстрирует сущность означенной идеологии. Функция нарождающегося города, помимо вскоре отпавшей военно-стратегической: стремительно вписаться в средиземноморский, то есть южноевропейский, товарный и денежный рынки за счет энергичного экспорта сельскохозяйственной продукции и импорта необходимых экзотических товаров.

Цели ясны, остается найти средства, подобрать вышеупомянутый инструментарий. В первую очередь возникает транспортная проблема: с одной стороны, это пути доставки из довольно удаленных аграрных регионов, с другой — формирование собственно городской, в том числе портовой инфраструктуры. Патриция Херлихи впервые очень скрупулезно останавливается как раз на первых звеньях этой цепочки: ее занимает непосредственно производитель, система землепользования, проблема земельной собственности, цены на местах, в Одессе и на мировом рынке, организация доставки сельхозпродукции, ее качество и т. д. При этом автор монографии, опять-таки впервые, использует, помимо всего прочего, блистательный первоисточник — консульскую переписку практически всех зарубежных дипломатов, присутствовавших на одесском театре действий и фактически занимавшихся экономическим шпионажем.

Анализ всех этих материалов выявляет сильные и слабые стороны южного региона как поставщика (на определенных этапах даже инвестора) ряда европейских стран. Обескровленная наполеоновскими войнами Европа остро нуждается в сельскохозяйственных продуктах, а Южная Россия способна удовлетворить оный спрос через Одессу, в которой, волненс-

ноленс, концентрируются мощные материальные и гуманитарные ресурсы. Принимая во внимание выкладки Патриции Херлихи, можно сделать вывод о том, что это идеология нарождающейся Одессы призвала "детей разных народов", а не наоборот. Этническое разделение труда — результат такового "призыва" лучших и умелых: греческих коммерсантов, немецких аграриев, мастеров, медиков, итальянских зодчих и мраморщиков, еврейских маклеров и ремесленников, югославянских мореходов, французских финансистов и промышленников, польских помещиков, российских заводчиков и купцов, украинских каменотесов, молдавских и болгарских огородников. Всякое этническое вливание (еще не влияние) определялось частной задачей, спонтанной потребностью. При этом все имеющиеся первоисточники свидетельствуют об ощутимой разобщенности представителей различных этнических "одеколонов" на протяжении многих десятилетий, об отсутствии какой-либо общей декларируемой идеологии. Единственной "хартией" было стремление по возможности без шероховатостей прижиться, вписаться, найти свое место в городе-фактории.

Поставленная задача была решена в кратчайшие сроки: до самой Крымской кампании Одесса отменно исполняла запланированные функции. На этом этапе система порто-франко сыграла весьма позитивную роль — как инструмент осуществления внешнеторговых операций. Исследовательница убедительно демонстрирует: не только зерно составляло важную статью южнорусского экспорта. В отдельные годы отсюда вывозилось даже больше шерсти, сала, шелка и проч. Затем пришла война, порливы оказались заблокированными, и Южная Пальмира не сумела удовлетворить спрос Европы, которая тут же переориентировалась на другие производительные зерновые рынки.

В это время слабые стороны южнороссийского хозяйствования проявились во всей своей неприглядности. Бездорожье делало доставку сельских продуктов в Одессу сезонным. Незаинтересованность сельских тружеников, пересортица зерна, отсутствие современных сельхозорудий, нашествия саранчи, засухи, высокие цены и целый ряд других моментов снижали конкурентоспособность продукции. В цивилизованных странах вывоз зерна сменялся вывозом муки, более компактно укладывавшейся в трюмах. В Одессе же вообще отсутствовали паровые мукомольни, первые из которых появились лишь на исходе 1850-х. Порто-франко серьезно тормозило развитие местной промышленности. Почему? Да потому, что при вывозе товара за черту порто-франко таможенникам невозможно было убедительно доказать, где произведен оный — в городе или за рубежом.

Возникла ситуация, сильно напоминающая нынешнюю. А именно: неоглянты, разбогатевшие на хлебном экспорте, опасались вкладывать капиталы в предприятия, ибо дело это для них было новое, непривычное, рискованное. А потому деньги активно вливались в недвижимость, как в нечто более надежное, так сказать, до выяснения. Немалые средства пошли и на покупку земли, в особенности после реформ начала 1860-х. Однако вложения последнего рода были далеко не самыми перспективными: Одесса навсегда потеряла корону мирового хлебного экспортера (гонор, правда, сохранила навсегда). Показательно, что по валу вывоз сельскохозяйственной продукции здесь продолжал расти, однако доля в мировом экспорте постоянно сокращалась. Этот миф о том, будто Украина — житница Европы, и, следовательно, выгодно скупать землю, оказался чертовски живучим. Тогда как реально поезд давным-давно ушел, и серьезно конкурировать в аграрном секторе со странами, проевшими зубы, удастся едва ли.

Монографию Патриции Херлихи можно долго цитировать и интерпретировать. Много стоят, к примеру, сюжеты, связанные с окончательно добившими город стачками и "потемкинскими событиями", каковыми мы еще недавно отчаянно гордились. А ведь после чудовищных погромов, пьяного разгула, катастрофического пожара, уничтожившего портовую эстакаду, пакгаузы, коммерческие пароходы, из Одессы ушли многие солидные инвесторы, не видевшие тут более никакой перспективы. Город все более удалялся от мировой арены в тень, превращался в самозванца, в памятник себе любимому. Впрочем, добрый ностальгический миф подпитывал и продолжает подпитывать множество талантливых одесситов, одно перечисление которых заняло бы сколько-то страниц убористого текста. Ибо только красивый миф спасает от провинциального прозябания, внушает творческий оптимизм.

Пэт Херлихи — фантастическая личность. Мы знакомы много лет, и я не устаю восхищаться, открывая все новые и новые великолепные черты. Подумать только, во времена застоя ее "пасло" КГБ: ну не могли поверить бдительные комитетчики, что иноземная барышня в классических профессорских очках бескорыстно околачивается в скучных архивах и библиотеках. А может, их настораживало повышенное внимание американки к питейным заведениям типа "Два Карла", а равно дружба с высокоинтеллектуальной алкоголической общественностью. Так или иначе, а монография вышла уже в начале перестройки.

Пэт — уроженка вольного города Сан-Франциско, американской Одессы. Ее родители переехали в США из Ирландии в поисках лучшей

доли, они, разумеется, представители католического меньшинства. Пэт как-то заметила: "Мне кажется, самый высокий, трагикомический юмор присущ наиболее потерпевшим в истории народам — например, евреям и ирландцам". У нее шестеро детей (!) — пятеро сыновей и дочь. Говорит, что всегда рожала с удовольствием и при этом как-то ухитрялась заниматься наукой. Семейство Пэт корректно назвать одесским. Один из сыновей женился на еврейке, эмигрировавшей в США из Прибалтики. И дети от этого брака воспитываются в лоне иудаизма. Другой сын женат на афроамериканке, и совместные дети, по-моему, тоже не католики. Дочь же вышла замуж за албанца-мусульманина и, естественно, все семейство почитает пророка Магомета. Но самое замечательное — когда все дети с семействами собираются в доме матери на традиционный католический праздник — День благодарения. И тогда нет среди них ни иудея, ни эллина, а есть прямо-таки православная соборность.

Я бы с удовольствием рассказал читателям о другой оригинальной монографии Патриции Херлихи — "Алкогольная Россия" (не зря водил ее по "большому и малому кругу", включая "Два Карла", "Пирожковую" в покойном "круглом доме", диетстоловую на Дерибасовской, "Вергугу" и "Белый аист" близ Нового базара, далее везде) или, скажем, о наших совместных научных и научно-художественных штудиях. Но, убежден, у меня еще будет много поводов заняться саморекламой по поводу моей любимой подруги. А пока радуюсь не только за Пэт, но и за нас с вами: хорошая, достойнейшая книга сделалась, наконец, нашим общим достоянием. Владейте. Читайте. Размышляйте. Вам зачтется.

